

115 74

СТЕНОГРАММА

беседы со свидетелем немецких злодеяний по Бабьему Яру
ПРОНИЧЕВОЙ Диной Мироновной.

Адрес: г. Киев, ул. Воровского №41/7а

Стенографировала - ВИЛЬКОВА Ж.Б.

г. Киев, 24 апреля 1946 г.

Родилась в 1911 году 7 января в городе Чернигове. До пяти лет жила в г. Чернигове, а с пяти лет проживала все время в городе Киеве. Национальность - еврейка. Образование незаконченное высшее. Закончила театральный техникум, военную школу связи, поступила в театральный институт, но не закончила.

В 1941 году работала в кукольном театре. Началась война, театр распался. Я пошла работать в отдел связи при штабе 37-ой армии. В связи долго работать не могла из-за домашних обстоятельств и меня перевели в отдельный стол старшей машинисткой при штабе 37-ой армии. Впоследствии штаб 37-ой армии помещался на ул. Ворошилова № 30.

17 сентября 1941 года я пришла на работу в штаб и мне сказали, что мы ~~перемещаемся~~ отступаем. Мой начальник, майор Богданов, сказал мне, что т.к. я имею малых детишек, могу остаться. Таким образом я осталась.

19 сентября 1941 года в город Киев вошли немцы.

20 сентября домой пришел мой муж из окружения. Из Перемышля со своей частью добирался до Фастова, где и попали в окружение и их отпустили.

116 2.
75
2.-

Настроение, конечно, было паническое: ни пищи, ни воды, ни света - ничего не было.

Числа 24-25 сентября по Киеву начались пожары. Был взорван Крещатик, горели улицы Пушкинская, Свердлова. Началась ловля евреев, немцы ходили ночью по квартирам и выскивали евреев. Я жила у свекрови, она была женщина набожная, у нее висели иконы и, когда пришли немцы, она указала на иконы, т.е. что мы русские и они меня не тронули.

По городу были такие слухи, что все эти пожары происходят из-за евреев, которые остались здесь, не эвакуировались. После чего 28 сентября 1941 года появился по всему городу приказ, в котором было написано: "всем видам взять с собой теплые, ценные вещи и явиться завтра т.е. 29 сентября в восемь часов утра на улицу Дегтяревскую". За неявку - расстрел. Подпись была - комендатура.

Мои два брата ушли на фронт. Младшая сестра осталась с больными стариками-родными. Они меня попросили их проводить, т.к. они думали, что это евреев будут куда-то вывозить, т.к. нужно было взять теплые вещи, и я пошла с ними. Дети остались с мужем дома.

В семь часов утра я была у своей матери и в начале восьмого мы направились в указанное в приказе место. По улицам пройти было невозможно: на подводах, машинами, двуколками везли вещи, - был страшный гул, людей шло очень много: старики, матери с грудными детьми, старухи. Мы шли толпой.

Дойдя почти ^{ворот} до еврейского кладбища, там было проволочное ограждение, стояли противотанковые ежи. У вхо

да стояли немцы и украинцы, пропускавшие за заграждение. Туда войти можно было свободно, а на выход никого не пропустили, кроме подводчиков.

Я посадила родных у ворот кладбища, а сама пошла посмотреть, что делается впереди. Против еврейского кладбища длинный забор, который поворачивает налево, я пошла прямо, для того, чтобы посмотреть, куда сворачивают люди, зачем они туда идут. Я думала, что там стоит поезд, но я увидела, что меховые вещи немцы сразу снимают и забирают, пищу забирали и складывали в одну сторону, одежду - в другую, а люди шли прямо.

Они отбирали большое количество людей, потом останавливали на некоторое время и вновь брали. Когда дошла очередь до меня, я хотела сначала вырваться, но меня не выпустили. Я вернулась к своим старикам, ничего им не сказала, чтобы их не волновать и прошла вместе с ними. У родных отбирали вещи. Пошли прямо, потом направо, тут я потеряла родных, меня от них оттеснила толпа, они пошли вперед. Мне казалось, что шли мы долго. И вдруг я слышу позади себя голос в толпе старика: «-дети мои, помогите пройти, я слепой». Мне стало жаль старика и мы вместе с ним пошли. Я у него спросила: «Дедушка, куда нас ведут?». Он мне говорит: «Разве, деточка, ты не знаешь, мы идем отдать богу последний долг!»

Потом я увидела площадь по обе стороны которой стояли немцы в два ряда. Через одного, двух на руке были накручены ремни или цепи собак. Во всех у них были дубинки резиновые или большие палки. И вот мы должны были пройти весь этот коридор, как я его называю, это побоище. Все проходили. Я остановилась, мне было страшно идти вперед.

~~4.~~
~~74~~
~~4.-~~

Проходя этот коридор, немцы били людей с двух сторон в обязательном порядке. Если кто-нибудь падал, на него спускали собаку, которая рвала вещи, тело, человек поневоле поднимался и бежал вниз, а там попадал в руки полицаев, которые раздевали людей догола, При чем, били ужасно куда попало и чем попало: и руками, и ногами, у некоторых полицаев были на руках кистеты.

Люди на рвстрел шли совершенно окровавленные. Я еще не шла, все это видела сверху, не доходя этого коридора. Но когда я посмотрела в сторону раздевалки, очевидно меня снизу заметила мать и она мне кричала: "Доченька, ты не похожа, спасайся!" Мне хотелось броситься их защитить, но инстинкт самосохранения подсказал - ты не спасешь. Я должна была пройти этот коридор и я прошла под ударами немецких палок, но прошла не согнувшись, прямо - выдержала все.

Сошла вниз прямо к полицаям и сразу же спросила у него на украинском языке, где комендант. Он спросил зачем мне комендант. Я ответила, что я не еврейка, а украинка, шла проводить сотрудников, попала случайно. Он как-то посмотрел на меня, спросил документы. Я показала ему членский профбилет и трудовую книжку, где национальность не указывается. Он поверил мне, потому что фамилия русская, отчество тоже как-то звучит по-русски и он указал мне на бугорок, где сидела небольшая группа людей, говорит: - садись, подождешь до вечера, когда всех жидов перестреляем, вас выпустим.

Я поднялась на бугорок, села. Сначала смотрела на все эти ужасы: на глазах моих раздевали, били, люди истерически смеялись, видимо сходили с ума, становились за несколько минут седыми. Грудных детей вырывали у матерей и бросали вверх через какую-то песчаную стену, всех голых выстраива-

ли по два-три человека и вели на какую-то возвышенность к песчаной стене, в которой были прорезы. Туда люди входили и не возвращались.

Паспорт я выбросила заранее, не доходя "коридора". Я все-таки ждала вечера, не зная, что меня ждет.

Вечером подехала машина и немец-офицер, который в ней сидел, сказал, чтобы нас всех расстреляли, мотивируя тем, что если хоть один человек отсюда выйдет, проговорится в городе, что он здесь видел и на второй день ни один жид не явится.

Нас всех повели расстреливать туда же в песчаный ~~широкий~~ разрез, куда вели всех. Но нас не раздевали, т.к. уже было темно и немцы уже были уставшие. Я шла, примерно, во втором десятке. Выходя из так называемой двери, из этого разреза, налево был небольшой выступ, где выстраивались все люди и с противоположной стороны из пулеметов их расстреливали, люди падали вниз в очень, очень глубокую пропасть. Я закрыла глаза, сжала кулаки и сама бросилась вниз до выстрела. Конечно, мне казалось, что я лечу целую вечность, т.к. было очень высоко. При падении я не чувствовала ни боли, ни удара -ничего. У меня было единственное желание - жить.

Сначала меня обдало всю кровью, по лицу стекала кровь. Я слышала стоны. После нашего расстрела, нас было немного, никого не расстреливали. Мы были сверху. Потом я услышала икоту предсмертную, плач - это все исходило от недобитых трупов, от умирающих.

Немцы присвечивали фонариками сверху и стреляли вниз, добивая еще недострелянных. Недалеко от меня кто-то стонал очень сильно и немцы спустились вниз, их это очевидно раздражало, ходили по трупам и достреливали, кто повелелся.

Один из полицаев или немцев/я не могу вспомнить/ наткнулся на меня, т.к. я сверху лежала, и перелетел через меня так, что я перевернулась. Он присветил фонариком. Он не обнаружил на мне крови на теле, одежда не была прострелянной и он сказал об этом немцу. Тот сказал, что сейчас проверим и меня подняли, подбили, потом бросили. Я не охнула, не застонала, он стал мне одной ногой на грудь, другой — на руку, но я и в этот раз не застонала. Они решили, что я мертва и оставили меня в покое, а сами ушли.

Через некоторое время я услышала прямо чуть-ли не над самым ухом: "Демиденко, давай сюда, засыпай". После чего я услышала какие-то глухие удары, потом все ближе и ближе и почувствовала, как на меня посыпали песок — это присыпали трупы. Мне стало очень тяжело, т.к. я лежала лицом вверх.

Не знаю сколько я пролежала, но когда я начала задыхаться, мне не хватало воздуха, собрала все силы и начала барахтаться, решила — пусть лучше расстреляют, чем я заживо похоронена. Здоровой правой рукой/левую руку немец мне развернул, когда стал на нее/мне удалось ее продвинуть и, ^{когда} почувствовала, что она свободна, откопала песок с лица. Вместе с воздухом я наглоталась песку и закашляла, ~~ширшиши~~ перепугалась, что меня обнаружат и дострелят, а я все-таки думала — авось выберусь, спасусь. ^Ч ^{стараюсь} ~~начала все-все-сил~~ кашлять тихо. Мне стало немного легче, я стала барахтаться и вылезла вся.

Разглядеть куда ползти было невозможно, т.к. был в глазах песок и кроме того было уже темно.

Потом, пролежав немного ^В темноте и привыкнув к мраку,

я рассмотрела, что кругом 4 стены на большом расстоянии и ползти мне нужно к той стене, откуда мы свалились и я поползла туда. С большим трудом, делая последние усилия, я выбралась наверх, в эту минуту меня кто-то окликнул. Это оказался мальчик 14-ти лет, которого звали Мотя. Я приказала ему молчать и мы поползли вместе. Он во всем меня слушался.

Долго мы ползли по поверхности, но уйти нам не удалось, т.к. кругом были яры.

Уже начинался рассвет. Нам надо было куда-то спрятаться, мы опустились метра 2, два с половиной вниз за одну из стен расстрела и скрылись в кустах.

Когда рассвело, на противоположной стороне со стороны Куреневки, мы увидели-немцы вели двух женщин-евреек. Я хорошо знаю, что это были еврейки, т.к. я слышала как они кричали на еврейском языке. Немцев было семь человек, они по очереди насиловали женщин, потом тут же их коротиками закололи и сбросили вниз. Потом я увидела одну старушку, которая бежала по той же противоположной стороне, и ребенка-мальчика лет шести-семи, который бежал за старушкой и кричал: "Бабушка, я боюсь", а она от него отмахивалась. Два немца догнали их и убили сначала ребенка, а потом старуху.

Также я увидела, как подошла какая-то женщина с ребенком на руках, смотрела вниз, смеялась и разговаривала с немцами, которые стреляли.

Потом, к вечеру у меня началась галлюцинация: я видела перед собой все время отца, мать, сестру, которые

были одеты в белых длинных халатах. Все они смеялись, ку-
выркались и я засмеялась вместе с ними, ~~и~~ потеряла созна-
ние и свалилась вниз в обрыв.

Когда я очнулась, надо мной сидел Мотя и плакал, он
думал, что я умерла. Я очень быстро сообразила, где я нахо-
жусь и мы поползли с ним дальше. Уже было совсем темно.
Доползли мы с ним до ^{выступа} конца этой долины, по которой ползли,
засели слева в кустах. Для того, чтобы спастись, нужно было
переползти большой дуг, подняться на гору и тогда только
попасть в Куреневскую рощу.

Мы договорились с мальчиком, т.к. он был почти раздет
а я все-таки в темном, он поползет первый и если все будет
благополучно, он пошевелит веткой и тогда поползу я.

Но он переполз и попал прямо на охрану, его сразу же
расстреляли. Я чуть не потеряла сознание, ~~я слышала что вблизи~~
^{Слова} ~~остаток~~ одна. Кругом был песок, я подняла немного песку,
сделала ямку, потом засыпала ее, как-будто бы над могилой,
но плакала так я похоронила ребенка.

Вторая ночь уже близилась к концу. Начинался рассвет.
Я увидела, что сию на дороге в кустах, - меня могут заме-
тить при свете. Слева от меня был какой-то ^{проулок} сугорок и я
опрометью бросилась туда, меня никто не заметил. Это ока-
залась мусорная свалка.. Я зарылась по горло в мусор и заб-
росала ~~сь~~ всякими тряпками, бумагами, - корзину, которую по-
ложила на голову. Напротив себя я увидела два больших зеле-
ных помидора, но к ним нужно было ползти. Мне сразу захо-
телось пить, я старалась ~~ни~~ думать о чем угодно, но меня
все поворачивало в ту сторону, как бы достать эти помидо-
ры, инстинкт самосохранения взял верх.

125 9. 82

Так я досидела третий день дотемна в этой яме. Дождавшись ночи, я снова поползла и выбралась наверх, на какую-то поляну. Ползла долго, провалилась в какой-то окоп с колючей проволокой, но все-таки оттуда выползла и осторожно поползла на животе.

Ползла всю ночь и добралась до первого же домика. Мне хотелось забежать в эту первую же хатку и рассказать как я ушла, сколько выстрадала, может быть меня люди спасут, но кругом все спали. Я вскочила в полуоткрытый сарай, т.к. на меня набросилась собака, и там простояла до рассвета. Сарай был пустой. Собака все время на меня лаяла.

Вышла хозяйка этого домика, обнаружила меня в сарае и мне пришлось выйти. Когда она спросила меня: "Как ты сюда пала?", то в ее тоне я почувствовала для себя угрозу и мое намерение рассказать о пережитом, конечно, немедленно исчезло. Я стала врать, сказала, что ^{туда же} иду с окопов из Белой Церкви и спросила дорогу к коменданту, города, который может меня направить домой. Она мне ответила: "сейчас мы тебе покажем дорогу, - и куда-то послала своего сына. Минут через пять ее сын привел немца-офицера и указывая на меня, сказал "Ось, пан, юда". Немец ударил меня и приказал мне следовать за ним. Я пошла беспрекословно.

Он привел меня в какой-то домик, где жили немцы. Они завтракали. Несмотря на то, что это был четвертый день, я есть не хотела. Немец-офицер приказал им меня стеречь, а сам ушел. Меня заставили убирать: подмести, вытереть окна, помыть посуду. Я делала все молча, стараясь быть совершенно спокойной. Потом эти немцы куда-то ушли, остался только

124 70.
~~10.-83~~

один, который стерег меня.

Через некоторое время пришел снова тот же немецкий офицер с хозяйкиным сыном, они привели двух девушек по 16-17 лет, которые страшно кричали, плакали, целовали сапоги этому немцу, просили, чтобы их заставили делать самую тяжелую работу, только — оставить им жизнь.

Он их нервно отбрасывал и приказал мне следовать за ними, нас всех куда-то повели. Привели на ту же площадь, где раздевали 4 дня тому назад. Тут только я сообразила, что четыре дня я ползла, притом, вокруг да около и попала снова туда же.

Было очень много вещей и обуви — все лежало ~~везде~~ отдельно. За вещами в сторонке сидели какие-то люди, их было немного, человек 30-40. Я увидела, что это были старики, старухи — остатки евреев, выловленные по квартирам, которые не могли идти. Здесь была и женщина с двумя детьми, один-грудной. Она очень кричала. Рядом с ней сидела очень спокойная девушка-медсестра, которую, как я потом узнала, звали Люба.

Ей стало жаль меня, очевидно мне было холодно, я дрожала. Она разостлала свою шинель и предложила мне сесть рядом, другой половиной шинели ~~накрыла~~ накрыла мне ноги. Из всех сидящих только мы вдвоем сидели совершенно спокойно, т.е. внешне спокойно. Так просидели мы час, два — неизвестно сколько.

Под вечер подехала какая-то ~~машинка~~ большая машина с нашими военнопленными бойцами, все они были с лопатами. Нас всех посадили на эту машину и повезли, куда — неизвестно.

125
И.
И.-

Мы договорились с Любой - при удобном случае прыгать с машины, удрать, а если будут по нас стрелять - это будет неожиданная смерть, это будет все-таки легче чем сидеть и ждать где-то смерти.

Нас привезли к гаражам, против еврейского кладбища. Но там не было мест, гаражи были переполнены евреями. Нас повезли куда-то дальше. И вот, в районе Шулявки, через задний борт машины мы по очереди, сначала я, потом Люба выпрыгнули почти незаметно для находящихся в машине т.к. все смотрели вперед, куда везут.

Т.к. уже вечерело и надо было где-то ночевать/домой пойти я боялась/, я предложила Любе пойти к своей двоюродной сестре/ по национальности она полька/, которая оставалась здесь, в Киеве, мы пошли к ней. Она приняла нас и целую ночь вдвоем грели воду и отмачивали на мне влипшую в раны сорочку.

Ночью была облава. На меня наложили сверху подушек сели и таким образом меня спасли.

Наутро мы с Любой ушли в Дарницю/ДВРЗ/. Там мы поселились в хатках-вагонах. Люба ходила на огороды, выкапывала остатки картошки. На щепочках шипшиши варили, прикрывая огонь, чтобы нас не обнаружили. Потом нашла в грязной коробочке заплесневшую зеленую корочку, обмыла ее в луже и подарила мне, как больной.

На третий день нас обнаружили. Шли два немца и инженер завода, который меня за кого-то принял/он обозначился/ и спросил у меня: "Вы, кажется, работали у нас в инструментальном цеху". Я поспешила согласиться с ним,

что действительно работала и он сказал немцам, что я местная. А я уже сказала за Любу, что это моя родственница, мы были на окопах, пришли домой, но наше здание разрушено и потому мы здесь поселились.

Нам поверили и предложили перейти в бывшие армейские казармы, т.к. завод огораживался и вокруг жить нельзя.

Потом приехали туда немцы, это были восстановительные части, которые набирали рабочую силу для восстановления завода. Им нужны были регистраторы, но т.к. Люба довольно прилично владела немецким языком/я знала немецкий язык очень слабо, но латынь знала/ меня посадили регистратором в конторе, Люба стала переводчицей.

Таким образом на нас подозрения быть не могло. Потом в эти казармы поселили немцев и нам пришлось от туда уйти. Из милости, начальство приняло нас в кухню с тем, что мы будем на них стирать, штопать, носить воду, гладить, готовить, носить дрова, колоть, резать - вообще делать все абсолютно, а также работать в конторе.

Мы согласились, что было делать. Была суровая зима. Одеть у нас нечего было, голодно было. Когда мы варили им, крали и себе. Я крада у них продукты и передвала в город детям через двоюродную сестру Тёсю, иногда в город и я приходила. Также адрес знала Люба, и она приносила краденные продукты детям.

11 декабря 1941 года Любу выдали, на нее донесли. 12 декабря на рассвете Люба бежала. К этому времени я уж забрала к себе на кухню своего двухлетнего сына, т.к. в Киеве детей смешанных браков расстреливали. Сына я

129 13.
86
18.-

выкрала, вернее, я подослала домой девушку/ку Наташу
Граневу/она и сейчас живет у меня/ и она выкрала сына
и привезла мне.

Потом выдали и меня. Полтора месяца я сидела у
себя же в комнате в заперти. Начальство уехало, я ос-
талась на всю квартиру с ребенком. Приняла к себе Нате-
шу и мы жили вместе с ней. Уйти оттуда никак нельзя ~~ни~~
было, т.к. я жила на втором этаже, а ~~полиция~~ на пер-
вом этаже была полиция, которая меня стерегла.

Врачи, работающие на заводе, хотели ~~пши~~ помочь
мне, т.к. я спасла их. Начальник завода, шеф з-да не
любил русских. Им вешалась буква "Р", над ними очень
издевались. А эти ~~два~~ врача были русские, бежавшие
из одного немецкого лагеря, я подделала им документы,
написала, ~~ни~~ что они украинцы и устроила на завод.

В благодарность за это они говорили гестаповцам
и полицаям, которые приезжали за мной, что меня сей-
час на допрос взять нельзя, т.к. сильный сердечный
припадок, возможно, что она еще не еврейка, ведь до-
казать не могут, документы у меня в порядке.

Меня оставляли на некоторое время в покое, но
я лежала и дрожала от каждого шороха, от каждого шага
обставленная вся вокруг лекарствами.

23 февраля 1942 года, как раз в день Красной Ар-
мии, за мной приехало гестапо окончательно забрать
меня. Это было на рассвете, часов в семь утра. Наташа
ушла на завод. Я ~~с~~ней договорилась заранее, что если
меня заберут, то ребенка я оставляю ей, а она привезет

198
14.
14.

его к мужу в Киев.

Полиции еще не было, она являлась к восьми часам. Я видела как гестаповцы выскочили из машины и направились прямо ко мне в парадное. На босую ногу, в галошах, набросив только летний жакет, я выбежала на чердак/ это был третий этаж, там больше никто не жил/. Сын мой еще спал. Я боялась, что если схвачу ребенка, он наделает крику и мы оба погибли. Я не взяла его с собой. Я думала, что гестаповцы посмотрят что меня нет дома, уйдут. Но они ожидали, очевидно думали, что я куда-то близко вышла, т.к. ребенок спит. и я скоро вернусь.

Я сняла галоши и осторожно, босиком спустилась вниз на улицу. Пробежала ко второму дому, только там одела галоши и пустилась бегом в лес.

Я просидела очень долго пока не увидела, как машина гестаповцев уехала. Я боялась вернуться обратно и пошла на Киев. Я разорвала на себе сорочку и замотала ноги вместо чулок.

Дойдя до Дарницкого моста, у меня потребовали пропуск. Но врачи, находящиеся на заводе, написали мне на всякий случай направление якобы я направляюсь по болезни в больницу. Я предъявила эту справку и мне поверили и даже посадили на проезжавшую машину, которая довезла меня до Киева.

В Киеве я устроила через свою двоюродную сестру Тосю свидание с мужем. Он дал мне свои ботики, валенки, носок и отвел меня ночевать к моей теперешней сотруднице-артистке Поповой. У нее я жила 10 суток, все в ожидании, что мне привезут сына.

129 15.
15. 88

И Мне пришлось оттуда уйти, т.к. кругом были облавы, ходили по квартирам и отыскивали не прописанных ^{и уехали в Германию.} Таким образом я стала скитаться. Две ночи прожила у пианистки. День ходила по окраине города, а на ночь приходила к пианистке нашего театра, с которой работала до войны. Приходила к некоторым знакомым, которым можно было поверить. Но все это было на одну ночь.

В конце концов все стали меня сторониться. Уйти мне некуда было, я была раздетая, без денег. Я стала ночевать в подвалах, на чердаках, в развалинах. Переставала ночи в уборных. Так все протянулось до мая месяца. Я все никак не могла узнать о ребенке, где он делся, и решила уйти, но очень заболела, на улице меня подобрала и отвезли в больницу.

В это время я узнала, что мой муж Проничев арестован. До 1945 года я ничего о нем не могла узнать. В 1945 году вернулась из Германии пианистка работавшая с нами до войны, которая после ареста Проничева, видела его на тяжелых работах. Она приносила ему покурить и покушать и, когда однажды она пришла, ей сказали: "Не носите больше ничего, его уже нет". Его арестовало гестапо. Она попыталась еще раз притти, но ей говорили, что его расстреляли. Так ли это - она не могла доказать, но больше ничего, никто о нем не знает.

Когда меня забрали в больницу - это как раз

130 16.
16.

были дни эвакуации жителей со Слободки в Киев. Эвакуация производилась немцами, т.к. вокруг Слободки были обнаружены партизаны.

Выйдя из больницы, я пришла в сторону Шулявки. Я знала место, где бывал муж, мне казалось, что я его там встречу. Но кто-то на меня указал. Какую-то группу проводили людей или из облавы, или арестованных, меня туда подтолкнули и вместе со всеми забрали.

Привели нас в Лукьяновскую тюрьму, где просидела 28 суток. Били меня сильно. Там работал полицейский Митя, который часто передавал мне лишний кусок хлеба в свое дежурство, папиросы. И вот, когда меня взяли на допрос, ^{последний} увидев меня он меня почти полумертвую, избитую унес. Мы очутились с ним против больницы Калинина, в стороне Шулявки. При чем до этого он прибил немца прикладом, поэтому он унес меня.

Возле больницы Калинина он посадил меня и сказал:

- С тобой далеко я не уйду, мне нужно спешить. Я не полицейский, а партизан. Меня зовут Митя.

Он поцеловал меня и исчез.

И вот больная, избитая, вся в шрамах ушла я пешком на Белую Церковь. Добиралась много дней. По дороге, не доходя до Василькова, мне подарили дранные босоножки, в которых я ходила до осени. Добравшись до Белой Церкви, там работал один из Киевских театров на фамилий знакомых не оказалось и поэтому я смело

вошла в театр и предложила ~~весь~~^{свои} услуги. Но так как у меня был аховный вид, я сказала, что я эвакуирована со Слободки/об этом везде знали/ и меня приняли. Костюмерша узнала меня, т.к. у нее мы брали костюмы еще в 1926 году, но к счастью она не знала моей национальности. Мужа она знала хорошо, но он русский. Она забрала меня к себе ночевать. Когда ложились спать, пришлось раздеться, я была без блузки в одном жакете. Она подарила мне блузку. Поработала я там месяц, полтора. Потом театр уехал в Киев, а мне ехать в Киев нельзя.

В Ракитном, 40 километров за Белую Церковь, требовалась переводчица, т.к. я за это время выучила немецкий язык/учила его по словарям/ я рискнула и поехала туда. Там поработала две недели. Мои переводы оказались неправильными. Начали подозревать, что я еврейка, стали преследовать меня и я оттуда бежала снова в Белую Церковь. Приехав туда, я застала второй киевский театр, он считался -Областной театр имени Шевченка. Там оказался мой старый друг Николай Цыганков. Он сделал вид, что не знает меня совершенно. Днем я бывала на работе, а вечером он с женой принимали меня у себя, кормили. Я пристроилась к ихнему театру. Вскоре появилась артистка Кольцова, с которой мы работали еще в 1934 году и ~~увидела~~^{вышла} меня.

Машинист сцены театра Афанасьев, когда стали преследовать меня внутри театра, среди артистов, он просто заявил - если кто меня обидит, будет иметь дело с ним. Он взял меня под свою защиту, т.к. у него незадлин

132 18.
91
18.-

до моего прихода на его глазах расстреляли его жену-еврейку и убили трехмесячного ребенка.

Много раз мне приходилось бегать из села в село, из города в город. Обо всем этом меня всегда своевременно предупреждал Афанасьев.

Летом 1943 года мы с театром им. Шевченко приехали в Ружин, где находилось еврейское гетто-38 евреев было в нем. Они работали все в портняжеской мастерской. Находились на учете, каждый день полицией приходил проверять все ли на месте. Подать им что либо не было возможности, не разрешали. Их предупреждали, что если один из них исчезнет-расстреляют всех. Они работали совершенно бесплатно на всю округность.

Я все таки, как артистка предъявила требования коменданту. Я разорвала юбку нарочно, мне хотелось поговорить с ними. Я пришла к коменданту и сказала что у меня разорвана юбка, а вечером нужно выступать ее необходимо починить. Он мне разрешил, чтобы они починили юбку. Я сделала вид, что иду на базар, взяла с собой корзину, собрала продукты: хлеб, деньги, сверху положила свою юбку и пранесла. Афанасьев стоял на улице, разговаривал с полицаем, приглашая его в театр. В это время я вошла. Я поздоровалась со всеми за руку, отчего они все растрогались, расплакались, так как кроме пощечин ^{от кого} никогда доброго слова не слышали. Когда я передала им продукты

133 79.
~~19.-~~ 92

они все навзрыд плакали и женщины и мужчины. Юбка к вечеру мне была готова.

Через несколько дней приехал гебитс-комиссар из ~~евр~~ Казатина и приказал всех евреев расстрелять, оставить только ~~шпринг~~ три лучших мастера. Их всех на наших глазах повели и тут же расстреляли, что мы все видели.

Потом вместе с театром переехали в Казатин. Я работала в театре кем только приходилось: и артисткой и администратором и кассиром. Конфериговала на немецком языке, что меня заставлял наш директор Прихненко. Я просила его не выпускать меня конферировать перед немцами, так как я могла случайно не то сказать и меня тут-же расстреляют. Но он мне отвечал: "Вспомните о вашем прошлом".

Мое прошлое заключалось в том, что я родилась в еврейской семье, он об этом знал.

Так я перестрадала до прихода Красной Армии, т.е. до 28-го декабря 1943 года. Под бомбежкой добралась ~~до~~ в Киев. Единственная мысль была у меня - может быть я что нибудь узнаю о детях. В Киеве мне сразу сказали, что дочь моя была направлена в детдом, о сыне я ничего не могла узнать.

Я ходила из ~~ц~~ ~~ин~~ ~~аш~~ детдома в детдом, ходила везде и всюду, где только могла. Потом мне сказали, что детей, которые находились там, где моя дочь, расстреляли.

154 20.
20. - 93.

Еще немного погодя привезли каких то детей из Западной Украины. Я и туда пошла, пересмотрела, но своих не обнаружила. Я ходила как умалишенная по городу и присматривалась к каждому безпризорному.

12-го марта 1944 года привезли детей на Соломенку. Я пошла туда. Когда я спросила Лидочку Проничеву мне вывели девочку, в которой я узнала свою дочь. Она сначала бросилась ко мне, а потом остановилась потому, что отец Проничев учил ее, - если встретишь маму, говори тетя, потому, что нас всех расстреляют. Она сначала бросилась, а потом остановилась и сказала - тетя. Но когда я сказала: "Доченька, теперь уже можно сказать мама", она бросилась ко мне на шею с криком - мамочка. Здесь произошла трогательная встреча. Все кругом плакали. Доченьку взять сразу я не могла. Через несколько дней, ^вприходя каждый детдом, я нашла сына.

Афанасьев, с которым мы сошлись, уехал на фронт. Я осталась одна голая, босая. Из одеяла пошила себе пальто и так ходила. Взять детей мне было очень тяжело, так как я сама жила впроголодь. Мне пошли навстречу и дети мои остались в детдоме, где пребывают еще до сих пор.

Афанасьев вернулся с фронта инвалид Отечественной войны II-й группы. Я работаю в Киевском ^{Республиканском} театре кукол, ведущей артисткой.

Лидочка Проничева

/ПРОНИЧЕВА/.

1 Вилькова,